

ПРОБЛЕМА «ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ» В ТЕОРИИ ТОМАСА ГОББСА И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ЕСТЕСТВЕННОЕ»*

Н.Д. СУББОТИНА

Одним из главных вопросов, которыми задавались мыслители XVII – XVIII веков, был вопрос о том, чем является общество для человека: естественным образованием или искусственным. Ответ на него определялся тем, как понимался сам человек – как социальное или как асоциальное существо – и каким представлялось дообщественное состояние людей. На протяжении долгого времени существовали две противоположные тенденции в решении этого вопроса. Т. Гоббс и его последователи считали человека существом асоциальным, поэтому общество (которое они отождествляли с государством) представлялось им искусственным образованием. Другие, в первую очередь английские философы Д. Юм и А. Шефтсбери, утверждали, что человек – изначально существо социальное, способное к эмпатии и взаимопомощи, поэтому общество – естественное состояние. В данной статье предлагается анализ взглядов основателя первой тенденции Т. Гоббса.

Большую роль в понимании теории «естественного состояния» играет анализ самого понятия «естественное»: необходимо выяснить, как понимали его классики этого периода и как соотносится это понимание с современным, в том числе отечественным. Несмотря на кажущуюся ясность, здесь все не так просто. В работах Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы и других авторов употребляется английское слово *natural* (от *nature* – природа). На русский язык оно переводится как «естественное», которое, хотя и является синонимом «природного», но производно от устаревшего «естество».

Данные понятия раскрываются уже в словаре В.И. Даля, где пишется, что «естество» – это «все, что есть; природа, натура и порядок или законы ее; существо, сущность по самому происхождению». Дальше он пишет: «Духовная жизнь чужда земного естества. Человек, по естеству своему, причастен плоти и духу». Слово «естественный» у него: «природный, натуральный, неискусственный, самородный, непротивный законам природы, согласный

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке», грант НК72П/32.

с естественным порядком, не заключающий в себе чуда»¹. У Ожегова слово «естественный» употребляется в четырех значениях: «1. Относящийся к природе <...> 2. Совершающийся по законам природы <...> 3. Нормальный, обусловленный ходом развития, рассуждения <...> 4. Обычный, непринужденный»². Таким образом, в отечественной традиции естественное понимается как природное и четко противопоставляется не только искусственному (как у Даля), но и сверхъестественному (дух, чудо). Как будет показано ниже, это не было характерно для западной философии XVII – XVIII веков в целом, но и для Гоббса в частности.

В современной отечественной философии в понятие «естественное» вкладываются разные смыслы в зависимости от того, в какую логическую оппозицию оно включено: «естественное – социальное» или «естественное – искусственное»³. Помимо этого, если «естественное», по сути – «природное», нельзя обойти анализом и оппозицию «природа – общество».

Две последние оппозиции давно исследуются на общеполитическом уровне, а первая нами названная – только в виде частных противоречий (например, анализируется естественная генетическая обусловленность социального поведения, соотношение естественных и социальных предпосылок талантов или, напротив, преступного поведения и т.п.). Либо эта оппозиция подменяется оппозицией «природа – общество». Однако общество не является «чисто» социальным образованием. В нем, как и в человеке, имеется противоречие естественного и социального начал.

Таким образом, существует настоятельная необходимость дать определения естественного и социального и разграничить дихотомии: «природа – общество», «естественное – социальное» и «естественное – искусственное». Поскольку понятие «естественное» в разных оппозициях имеет разное содержание, разграничим «естественное» (в более широком значении как природное, не-социальное) и «естественное-2» (не-искусственное) и проанализируем, в каком из этих значений оно чаще употребляется.

Обозначенные категории, как и всякие предельно широкие понятия, трудно определимы, и как всякие парные категории, они определяются друг через друга. В большинстве отечественных философских и философских энциклопедических словарей, как современных, так и словарей советского периода, отсутствуют определения этих понятий. В отечественной четырехтомной философской энциклопедии 2001 г. понятие «социальное» не дается вообще, а понятие «естественное» дается только в противопоставлении искусственному, т.е. во втором значении. Отмечается, что «искусственное и естественное – онтологические характеристики объектов внутренней и внешней реальности,

различающиеся по способу происхождения, существования и исчезновения»⁴.

Здесь автор статьи А.Н. Павленко ссылается на Аристотеля, который видел начало движения вещи, образованной «по природе», в самой себе, искусственным же предметам природа присуща не первично, а лишь «по совпадению», как состоящим из природных тел. Павленко отмечает, что «различают также естественные и искусственные реальности. В широком смысле искусственной реальностью являются все продукты осознанной человеческой деятельности — науки, техники, философии, литературы, театра, музыки и т.д.»⁵. За рамками статьи остается вопрос: к какой реальности относится сам человек, его сознание и деятельность.

В изданном в Минске «Новейшем философском словаре» А.Ю. Бабайцев дает похожее, но более узкое понимание данной дихотомии. Здесь отмечается, что «*искусственное и естественное*» — категории, указывающие на разные модусы существования объектов деятельности и культуры и задающие принцип дуализма в отношении них. В соответствии с ним системы деятельности (а также языка, культуры и мышления) должны рассматриваться как результат взаимодействия и склейки двух принципиально разных механизмов: искусственного механизма, регулируемого целями и сознательно используемыми нормами, соответственно выражаемыми в телеологических терминах: целей, проектов, норм, техники; и естественного механизма, описываемого в терминах объективированных явлений, спонтанных процессов, средовых условий, и фиксируемого с помощью феноменальных описаний, моделей, законов и закономерностей»⁶. Таким образом, данный подход относит категории естественного и искусственного только к системам деятельности, языка, культуры и мышления. Предположив, что данные системы включают и результаты этой деятельности, можно согласиться с тем, что такое определение охватывает все искусственные объекты. Однако объекты, обладающие характеристикой естественного в первом значении, выходят за рамки предложенного подхода. Бабайцев здесь также употребляет более узкое понятие «естественное-2».

Итак, можно согласиться с А.Н. Павленко в том, что характеристикой искусственного обладают все продукты сознательной человеческой деятельности. В то же время представляется важным утверждение, вытекающее из статьи А.Ю. Бабайцева: ни один из предметов не является продуктом исключительно «искусственного механизма», а представляет собой результат совместной деятельности искусственного и естественного «механизмов». Поэтому можно предложить такое понятие: *искусственное — это характеристика сознательной человеческой деятельности и ее продуктов.*

Следовательно, когда мы берем дихотомию «естественное — искусственное», то противопоставляем их, прежде всего, по принципу возникновения. Понятие «социальное» шире «искусственного», так как охватывает собой все сущностные характеристики общества, включая сознание людей. Повторим также, что понятие «естественное» в широком значении не исчерпывается механизмом возникновения, существования и исчезновения продуктов человеческой деятельности.

Обратимся ко второй оппозиции «естественное — социальное». Самый первый подход к определению данной пары понятий состоит в признании того, что естественное — это природное, а социальное — то, что выделяет общество из природы, порождает его качественное своеобразие. Противопоставляя естественное и социальное, необходимо различать социальное как целостный феномен и социальное как составную часть системы социального, как продукт этой системы. Если мы говорим о социальном в целом, то к нему не применимы критерии ни по месту происхождения (оно также как естественное, возникло из природы⁷), ни по способу происхождения (как и все естественные объекты, оно возникло стихийно). Социальное как продукт социального (конкретные социальные объекты) по обозначенным выше критериям отличается от естественного, но, поскольку определение должно охватывать все проявления социального, данные критерии приходится отбрасывать.

Можно выделить еще две разновидности понимания социального. В первом значении социальное понимается как коллективное или как системное качество коллектива людей. Например, А.А. Грицанов в том же изданном в Минске словаре дает именно такое значение социального. Это понятие, отмечает он, «отражает взаимообусловленность индивидного («атомарного», «ядерного») бытия людей, с одной стороны, и над-индивидуальных структур социальной статики и социальной динамики, с другой»⁸. Эта формулировка не выходит за рамки характеристики соотношения элемента и системы. Именно в этом смысле биологи употребляют (а социологи яростно этому сопротивляются) понятие «социальные животные», имея в виду животные коллективы, внутри которых существует разделение функций, взаимопомощь, совместный уход за потомством, защита от врагов.

Второе понимание термина «социальное» Грицанов признает, но не раскрывает. Он лишь отмечает, что одна из «адекватных интерпретаций» данного понятия «соотносится по объему с содержательной и функциональной «нагруженностью» терминов «история», «культура» и т.п.»⁹ Социальное во втором значении — обозначение сущностной характеристики человеческого бытия,

его качественного отличия от природы. Первое значение понятия одновременно и уже и шире второго. Более узким оно оказывается в том смысле, что охватывает только часть общественного — объединение людей в коллективы, а более широким — в том, что обозначает свойство, присущее не только людям, но и коллективным животным.

Только второе значение понятия «социальное» противостоит естественному в обозначенной выше оппозиции. *«Естественное», на наш взгляд, — характеристика природных систем и их свойств: астрономических, геологических, физических, химических и биологических, подчиненных объективным закономерностям.* Понятие «естественное» распространяется и на сами закономерности. *«Социальное» — характеристика материально-идеальных общественных систем, также подчиненных объективным закономерностям.* Главное отличие социального — частичная осознанность процессов в индивидуальных сознаниях людей и в общественном сознании групп людей. Осознанность порождает два качественных отличия социальных систем — способность изменять условия своего существования согласно своим представлениям и постоянное ускорение саморазвития.

Таким образом, не претендуя на окончательность дефиниции, можно предложить следующие определения. *Под естественным понимаются природные системы и их свойства, под социальным — системы, обладающие качеством частичной осознанности и ускорения развития, а также свойства и продукты материальной и духовной деятельности этих систем.*

На основании изложенного можно сделать попытку разграничения трех обозначенных выше оппозиций. Оппозиция «природа — общество», на которой мы не будем подробно останавливаться ввиду ее хорошей разработанности в литературе, охватывает целостные образования, оппозиция «естественное — искусственное» — механизмы возникновения, существования и исчезновения объектов и сами объекты как продукты действия этих механизмов по принципу осознанности или стихийности. Оппозиция «естественное — социальное» раскрывает качественное различие природы и общества и показывает, что девственная природа обладает единственной характеристикой — естественностью, а общество, человек и элементы природы, подвергшиеся антропогенному влиянию — противоречивым сочетанием естественного и социального.

У истоков теории естественного состояния стоит английский философ Томас Гоббс, представитель механистического материализма. Его социально-философские воззрения изложены в книге «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковно-

го и гражданского» (1651)¹⁰. Гоббс утверждал, что все существующее есть тела. При этом он стремится согласовать свои взгляды с положениями христианской религии: «Мне необходимо определить на основании Библии значение таких слов, которые своей двусмысленностью могли бы сделать мои выводы нелепыми и спорными» (С. 397). Он уточняет, что понятия, которыми он оперирует: тело и дух, «на языке схоластов называются *субстанциями* — *телесной* и *бестелесной*» (Там же). Слово «тело» не вызывает сложностей, Гоббс говорит, что в наиболее общем употреблении оно «обозначает то, что заполняет и занимает определенное пространство или воображаемое место и не зависит от воображения, а является реальной частью того, что мы называем *вселенной*» (Там же). По поводу же духа он приводит длинное рассуждение, показывая, что в обыденном понимании духами чаще всего называют нечто, не существующее в реальности и являющееся лишь плодом человеческого воображения (С. 397 — 403). Однако он допускает существования духов — ангелов в виде бестелесных субстанций, которые есть «реальная, именно тонкая, невидимая субстанция, имеющая, однако, те же измерения, что и более грубые тела» (С. 403).

Здесь необходимо сделать важное уточнение. В статье В.Ф. Асмуса, опубликованной в 7-м издании «Философского словаря» под редакцией И.Т. Фролова (2001) говорится, что Гоббсу принадлежит «утверждение, что вера в Бога есть плод воображения»¹¹. Однако в «Левиафане» Гоббса нет ни капли сомнения в существовании Бога. Что же касается веры, то он пишет: «...ясно, что вера есть дар бога и что бог дает ее тому, кому хочет» (С. 570). У него действительно есть сомнения в реальном существовании ангелов. Тщательно проанализировав текст Библии, он признает: «...я был бы склонен думать, что ангелы суть лишь сверхъестественные образы воображения, вызванные специальным и необычным актом бога, дабы возвестить свое присутствие и свои заповеди человеческому роду». Но дальше он уточняет: «Однако многие места Нового завета и собственные слова нашего спасителя в таких текстах, где нельзя подозревать искажения писания, заставили мой слабый разум признать и поверить, что имеются такие субстанциальные и бессмертные ангелы» (С. 408).

В своей работе Гоббс использует оппозицию «естественное — искусственное». В природе все тела естественные. Общество создано человеком, значит оно — искусственное тело. При этом человеческое искусство является подражанием божественному. Бог создал человека, а человек создал общество, подобное человеку. Человека Гоббс уподобляет механизму (сердце — пружина, нервы — нити, суставы — колеса) (С. 47). Общество же он понимает

с позиций органицизма: «... *представители* судебной и исполнительной власти — искусственные суставы <...> *справедливость* и *законы* суть искусственный разум и воля; *гражданский мир* — *здоровье*; *смута* — *болезнь*, и *гражданская война* — *смерть*» (С. 48) и т.п. Поскольку государство, которое Гоббс назвал Левиафаном — искусственная копия человека, постольку оно «является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан» (С. 47).

Богopodobное это творчество совершалось из необходимости преодолеть *естественное состояние*, а оно, как уже говорилось, определялось тем, как Гоббс трактовал человека. Философ считал, что люди в принципе ненавидят и боятся друг друга, главное чувство, которое ими владеет — страх. Взаимное недоверие друг к другу порождает соперничество, жажду славы, желание погубить или покорить друг друга.

Предвидя возможные возражения против такой характеристики людей, Гоббс говорит: пусть «сомневающийся сам поразмыслит над тем обстоятельством, что, отправляясь в путь, он вооружается и старается идти в большой компании; что, отправляясь спать, он запирает двери; что даже в своем доме он запирает ящики» (С. 153) и т.д. Он даже приводит в пример «дикие племена во многих местах Америки». По всей вероятности, информация о правилах жизни этих племен доходила до Гоббса в очень искаженном виде, поэтому он экстраполировал на догосударственного человека черты характера своих современников. Современные исследования доцивилизованного общества — племен, остающихся в условиях каменного века, показывают, что действительно, эти люди живут с ненавистью и страхом, однако чувства эти направлены не на близких людей, а на иноплеменников. К сородичам же, напротив, они испытывают любовь и сострадание. Да иначе и быть не могло, человечество, будь оно таким, каким его представлял Гоббс, закончило бы свое существование, едва появившись.

Гоббс проводит разницу между людьми и общественными животными. Сравнивая человеческий коллектив с сообществом муравьев и пчел, он обращает внимание на то, что пчелы не стремятся к достижению почета, не критикуют свое правительство. Это так, только первобытный человек *в этом аспекте* был более близок к пчелам, нежели к человеку эпохи цивилизации. По Гоббсу, люди изначально отличаются от животных тем, что имеют разумность, духовность и речь. И он прав, утверждая, что действия животных (а он имеет в виду все тех же пчел и муравьев), не достигших человеческого уровня разумности, направлены всегда на общее благо, которое у них не отличается от частного. Но дело в

том, что почти то же самое этнографы наблюдали и в доцивилизованных коллективах. Первобытное общество было организовано почти так же, как сообщества социальных животных. У первых людей были развиты сознание и речь, но их индивидуальность подавлялась коллективом; власть же коллектива ими признавалась как единственно возможный способ существования.

Итак, у людей, описанных Гоббсом подобным образом, до возникновения государства существовало, по его мнению, «естественное состояние» (*status naturalis*) — *война всех против всех*. Естественное состояние, по его мнению — это абсолютная свобода людей, испытывающих «естественное» желание зла друг другу и ведущих между собой непрерывную войну. Гоббс напоминает нам здесь древнеримский афоризм «Человек человеку волк». Спасением от войны он считает переход в государственное, гражданское состояние (*status civilis*) с помощью общественного договора, заключенного между людьми. Гоббс считал, что страх людей друг перед другом порождает у них не согласие стремлений, как у «общественных животных», а единство воли. Единая воля — это не простая совокупность волей людей, а единая воля государства как единого лица. Хотя заключение договора в ситуации, описанной Гоббсом, представляется крайне проблематичным.

Для обоснования теории естественного состояния Гоббс анализирует ряд понятий, основные из которых — разум, право и закон. Сущность человека заключается в противоборстве двух его начал: естественного — тела, порождающего естественное право и естественного разума, идущего от Бога, способного осознать естественный закон. Таким образом, здесь и тело, и право, и разум, и закон называются естественными, но понимаются по-разному.

С современной точки зрения, *разум* является составной частью социального. Гоббс фактически выделяет два вида разума: индивидуальный человеческий, который может ошибаться (по нашей классификации — социальный), и естественный, который является «несомненным словом божьим» (С. 379), т.е., по современным представлениям, сверхъестественный.

Законы Гоббс также понимает неоднозначно. Он дает довольно сложную их классификацию. Вначале он перечисляет гражданские законы — это эдикты, указы, распоряжения, декреты, постановления и неписанные обычаи (С. 298 — 299). Затем уточняет, что законы еще подразделяются на *естественные* и *положительные*. Естественными являются те, которые существовали извечно, они называются также моральными законами. В качестве естественных законов он перечисляет такие черты людей, как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие. «Положительными являются те законы, которые не существовали извечно».

но, а стали законами благодаря воле тех, кто имел власть над другими» (С. 299). При этом и положительные законы он делит на человеческие (распределительные и карательные) и божественные (С. 299 – 300). Используя опять-таки современные значения понятий, мы можем сказать, что Гоббс признавал наличие двух видов законов: *социальных* (положительных человеческих) и *сверхъестественных* (естественных моральных¹² и божественных положительных).

Человек в своем поведении должен подчиняться *естественным законам*. «Естественный закон <...> есть предписание или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» (С. 155). Естественные законы, по мнению Гоббса, не нуждаются ни в какой публикации, так как согласуются с разумом всех людей, и их суть сводится к положению: «*Не делай другому того, что ты считал бы неразумным со стороны другого по отношению к тебе самому*» (С. 287).

Естественно-божественным разуму и законам противостоит естественное же право – право силы, которое, по Гоббсу, вытекает из эгоистической природы человека. «Естественное право <...> есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством» (С. 155).

И здесь обнаруживается как будто противоречивость теории Гоббса. С одной стороны, он утверждает, что в естественном состоянии человек для сохранения своей жизни «имеет право на все, даже на жизнь всякого другого человека» (С. 156). С другой же стороны, он полагает, что «несправедливость, неблагодарность, надменность, гордость, криводушие, лицеприятие и остальные пороки никогда не могут стать правомерными» (С. 184). Однако, судя по контексту, термин «правомерные» здесь употреблен в смысле «законные». По всей вероятности, Гоббс (хотя не писал об этом), считал, что право, как и разум и закон бывает двух видов: «неправомерное» естественное право, основанное на инстинкте самосохранения (по современным понятиям полностью естественное), и гражданское право, основанное на естественном разуме и естественном законе (социальное, определяемое сверхъестественным).

Таким образом, Т. Гоббс одним из первых открыл существование противоречия между человеком и обществом, между их потребностями и интересами. В этом заслуга философа. В его философии

данное противоречие раскрывается как противоречие между естественным правом (в первом значении) и естественным законом. Действительно, такое противоречие существует. На каждом этапе общественного развития либо стихийно, либо сознательно вырабатывались определенные механизмы разрешения этого противоречия. И уже в доцивилизованном обществе существовали очень действенные способы общественного регулирования индивидуального поведения, информация о которых до Гоббса, к сожалению, не дошла.

Гоббс думал, что до возникновения государства это противоречие вело к постоянной «войне всех против всех», и лишь «общественный договор» позволил заключить противоречие в рамки закона, который для Гоббса более важен, так как «*право* состоит в свободе делать или не делать, между тем как *закон* определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы» (С. 156).

Естественный закон (как мы уже говорили, для Гоббса — это закон Бога, или божественный положительный) обязан ограничить естественное право. Инструментом же ограничения является государство. «Естественный и гражданские законы совпадают по содержанию и имеют одинаковый объем. Ибо естественные законы, заключающиеся в беспристрастии, справедливости, признательности и других, вытекающих отсюда моральных качествах, в естественном состоянии <...> являются не законами в собственном смысле слова, а лишь качествами, располагающими людей к миру и повиновению. И лишь по установлении государства, а не раньше, они становятся действительно законами, ибо тогда они становятся приказами государства, а потому также и гражданскими законами, в силу того, что верховная власть обязывает людей повиноваться им» (С. 283).

И в заключение хочется обратить внимание читателей на то, что государственное цивилизованное состояние, по мнению Гоббса, ликвидирует лишь естественное право, а естественный разум и естественные законы, которые идут, по мнению философа, от Бога, остаются. Следовательно, его деление истории на естественный и цивилизованный периоды достаточно условно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Эксмо, 2006. — С. 234.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Мир и Образование, 2006. — С. 184.

⁴ Насколько нам известно, оппозиция «естественное — сверхъестественное» специально не изучается.

- ⁵ Павленко А.Н. Искусственное и естественное // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — М., 2001. — С. 158.
- ⁶ Там же. — С. 159.
- ⁷ Бабайцев А.Ю. Искусственное и естественное // Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. — С. 441.
- Правда, если мы понимаем «естественное» как природу в целом, то нельзя сказать, что природа возникла из природы. Согласимся в данном случае с Б. Спинозой, что природа есть причина самой себя. Социальное же на момент возникновения не является причиной самой себя.
- ⁸ Грицанов А.А. Социальное // Новейший философский словарь. — С. 970.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1964. Все ссылки на эту работу даются непосредственно в тексте.
- ¹¹ Асмус В.Ф. Гоббс // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — М.: Республика, 2001. — С. 129.
- ¹² Гоббс утверждает, что все естественные законы, «будучи вечными и универсальными, божественны» (С. 300).

Ключевые слова: теория естественного состояния, естественное, право, разум, закон.

Аннотация: Статья посвящена теории естественного состояния Т. Гоббса. Проводится социально-философский анализ понятия «естественное», включенного в различные оппозиции.

Key words: the theory of «natural state», the natural, right, mind, law.

The paper is devoted to the theory of «natural state» of T. Hobbes. The author makes the analysis of the concept of «the natural» which is included in various oppositions.